

Эван слегка улыбнулся и кивнул.

Герцог Уилсон в итоге покинул вечерний приём раньше времени. Человек его положения не имел нужды задерживаться в таком месте, а само его появление уже можно было считать благословением свыше.

Мистер и миссис Лоуренс проводили герцога с таким почтением, будто тот был королём. Вернувшись, они не могли скрыть улыбок на лицах, словно бабочки, порхающие среди цветов, они вели оставшегося Джона, знакомя его с местной элитой.

Эвану также посчастливилось обменяться с ними несколькими словами. Как пастор, он считался представителем джентльменского сословия в этом маленьком городке.

Со стороны Эвана, Лоуренсы, казалось, просто баловали Джона, особенно миссис Лоуренс, которая восхваляла его до небес, используя настолько ласковые выражения, что у Эвана мурашки побежали по коже. Тем не менее она с гордостью рассказывала Эвану о славных делах Джона, пока мистер Лоуренс, наконец, не вмешался, чтобы остановить её чрезмерные восторги.

— Дорогая, думаю, пастор Брюс ещё не поужинал, — с улыбкой сказал мистер Лоуренс.

Только тогда миссис Лоуренс осознала свою несдержанность и, смеясь, увела Джона, чтобы продолжить хвастаться им в другом месте.

Сам Джон, главный герой этой сцены, оставался холодным и равнодушным на протяжении всего вечера, даже обращаясь к Эвану, он держался с высокомерием, слегка запрокинув голову.

Эван, наблюдая за его спиной, лишь усмехнулся. Такой человек годился только на роль пушечного мяса. У Эвана не было ни малейшего желания спасти его от трудностей, он считал это ненужным. Даже если бы это было необходимо, у него не было времени. Единственное, о чём он думал, — это как выжить в этом хаотичном мире или, точнее, как сделать свою жизнь более комфортной.

Конец вечернего приёма наступил поздно. Инспектор Чендлер выпил слишком много и был уже изрядно пьян. Домик пастора Эвана находился по пути к дому инспектора, а его жена, хрупкая женщина, не могла справиться с таким крупным мужчиной. Поэтому Эван, как добросовестный пастор, взял на себя обязанность проводить инспектора домой.

К счастью, никто не недооценил вес пьяного человека, особенно такого, как инспектор Чендлер, ростом шесть футов три дюйма и весом более двухсот фунтов. Лоуренсы прислали одного из своих слуг, чтобы помочь Эвану доставить инспектора домой.

Этот слуга оказался камердинером Джона. Эван, который сначала был слегка раздражён, внезапно успокоился, и в его голове начали быстро строиться планы.

Джон был секретарём герцога, и, вероятно, именно он знал больше всего о делах герцога. А камердинер секретаря, несомненно, также был в курсе многих вещей.

Эван и камердинер усадили инспектора в машину, а его испуганная жена села за руль. Эван же и камердинер расположились на заднем сиденье.

Эван обладал обаятельной внешностью и уважаемой профессией, что давало ему преимущество, когда он хотел сблизиться с кем-то.

Произнеся несколько пустых фраз из Нового Завета, Эван быстро завоевал доверие этого набожного протестанта.

— Пастор Брюс, я хочу исповедаться, — вдруг произнёс камердинер, когда они доставили инспектора домой.

Эван оглянулся на темноту вокруг и слегка заколебался:

— Сейчас исповедаля, вероятно, уже закрыта. Приходи завтра.

Хотя Эван и хотел услышать исповедь немедленно, он не мог нарушить установленные правила.

Камердинер с печальным лицом покачал головой:

— Пастор, прошу вас, не обращайтесь внимания на время. Я хочу исповедаться здесь. Вы правы, Господь создал нас, и Его милосердие достаточно велико, чтобы простить все наши грехи.

Эван был удивлён, но не смог устоять перед искушением и кивнул:

— Если ты настаиваешь, то я сделаю для тебя исключение.

Эван провёл камердинера в церковь. Ночной сторож уже спал, и Эван без лишних церемоний привёл его в заднюю комнату, налил бренди и, осенив себя крестным знамением, тихо сказал:

— Хорошо, заблудшая овца, можешь начинать исповедь.

— Я... меня зовут Джимми. Моя последняя исповедь была... полгода назад, — Джимми явно нервничал, его речь была сбивчивой.

— Джимми, что ты сделал? — спросил Эван с мягкостью в голосе.

Джимми поднял руку, чтобы потереть глаза, в которых читался страх:

— Я... я согрешил, обманывая людей.

Эван слегка разочаровался. Всё это время он ожидал чего-то более серьёзного, а оказалось, что речь идёт о такой мелочи. Люди в это время были слишком наивны. Если обман считался грехом, то он сам давно бы уже горел в аду.

— Джимми, Господь простит твои грехи, — хотя внутри Эван был разочарован, на его лице по-прежнему была доброжелательная улыбка.

Его голубые глаза, освещённые тусклым светом, казалось, проникали в самую душу.

Джимми слегка вздрогнул. Он сжал бренди в руках, опустил голову и пробормотал:

— Видите ли, пастор, всё не так просто. Мой грех не ограничивается этим. Мой хозяин, молодой Джон, употребляет опиум. Он велел мне скрывать это от мистера Лоуренса и даже воровать у него деньги. Я... я действительно не знаю, что делать, пастор.

Эван широко раскрыл глаза. Он никак не ожидал, что услышит такую шокирующую новость. Джон Лоуренс употребляет опиум! Теперь стало понятно, почему он в итоге стал жертвой обстоятельств. В глазах Эвана мелькнул блеск.

— Джимми, — Эван взял дрожащие руки Джимми в свои, — милосердный Господь использует каждую возможность, чтобы вернуть своих заблудших овец. Ты согрешил, обманывая, но если ты раскаешься и исправишься, Господь простит тебя, и твоя душа будет спасена.

Эван смотрел на Джимми с искренностью, но внутри он уже строил планы. Этот факт никогда не упоминался в оригинальной книге, и если он раскроет его, то кто знает, что произойдёт.

Джимми, с испуганным взглядом, быстро выдернул руки из рук Эвана:

— Нет... я не могу этого сделать. Если я расскажу хозяину, молодой Джон уволит меня. У меня есть дети и старики, я не могу потерять эту работу.

Эван слегка улыбнулся:

— Джимми, не волнуйся. Джон — разумный парень, он поймёт, что ты заботишься о нём, и не станет тебя винить. Даже если он уволит тебя, в церкви как раз не хватает ночного сторожа. Ты всегда можешь прийти сюда.

Услышав это, Джимми загорелся энтузиазмом. Все знали, что работа ночного сторожа в церкви была весьма прибыльной, гораздо более выгодной, чем должность младшего слуги.

— Па... пастор Брюс, — Джимми с сомнением облизал пересохшие губы, — вы говорите правду?

Эван слегка улыбнулся. Он точно знал, что дело сделано.

— Я — слуга Господа, как я могу лгать?

Джимми мгновенно облегчённо вздохнул. В те времена служители церкви пользовались огромным доверием.

Эван проводил взволнованного Джимми и снова вернулся в церковь. Но, проходя мимо часовни Богородицы, он заметил, что миссис Сондерс стоит на коленях перед статуей Девы Марии, её лицо залито слезами.

Эван незаметно остановился, но миссис Сондерс первой заметила его присутствие. Она быстро вытерла лицо и холодно произнесла:

— Пастор Брюс? Почему вы всё ещё в церкви в такое позднее время?

На её лице всё ещё были следы слёз, и её обычно строгий вид теперь казался немного печальным. Она всё ещё была в вечернем платье глубокого фиолетового цвета, которое, как и она сама, было скучным и строгим, без какого-либо шарма.

Эван вышел из тени с дружелюбной улыбкой и тихо сказал:

— Миссис Сондерс.

На вечере он также обращал внимание на поведение миссис Сондерс. Казалось, в этом городе у неё не было близких людей. Весь вечер она стояла в углу, холодно наблюдая за происходящим, не проявляя желания общаться с кем-либо.

— Я только что проводил одного кающегося, — с улыбкой ответил Эван.

<http://bllate.org/book/15268/1347533>